стью информационных бюллетеней «Норд-Сюд» в Италии, Румынии, США и вступлением этих стран в войну на стороне Антанты.

Вопрос о дальнейшей судьбе Наимского остается открытым. Ответ на него, вероятнее всего, можно найти в архивах Швейцарии, Франции и США. После Первой мировой войны, на рубеже 1920 — 1930-х гг., пропагандистское наследие И.-С. Наимского стало предметом пристального внимания со стороны руководства Красной Армии. Весьма вероятно, что опыт, накопленный Наимским, впоследствии использовался в различных странах пропагандистами Коминтерна, и заключает в себе потенциал для нового самостоятельного исследования.

Список литературы

Виноградов В.Н. Расчеты и просчеты румынских правителей в годы Первой мировой войны // Славяноведение. 2014. № 1. С. 76–92.

Голиков А.Г. «Journal de St.-Petersbourg» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 2. С. 3–16.

Жданова И.А. «Век пропаганды»: управление информацией в условиях войны и революции в России в марте — октябре 1917 года // Отечественная история. 2008. № 3. С. 126–142.

Звонарев К.К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг.: В 2 кн. Кн. 1. М.: Издательская группа «БДЦ-пресс», 2003.

Объедков И.В. Планы ведения русской военной пропаганды в Испании и Латинской Америке во время Первой мировой войны // Латинская Америка. 2014. № 5. С. 76–85.

Объедков И.В. Пропагандисты русского военного ведомства в США (1915–1917) // Известия Уральского Федерального университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. № 3 (130). С. 34–41.

Объедков И.В. Русская военная пропаганда в США в годы Первой мировой войны // Новая и Новейшая история. 2014. № 6. С. 105–113.

Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны / Автор, сост., подгот. к печати А.Б. Асташов. М.: Спецкнига, 2012.

Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 года. М.: Мысль, 1967.

«Учреждение “АГЕНТСТВА СЕВЕРА И ЮГА” имеет в виду главным образом интересы наших армий» / Автор, сост., подгот. к печати И.В. Объедков // Исторический архив. 2014. № 3. С. 161–174.

Поступила в редакцию
06.12.2014

М.Ю. Эдельштейн, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории комплексного изучения актуальных проблем журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: edelstein@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.Л. ЯНТАРЕВА В «МОСКОВСКОЙ ГАЗЕТЕ» (1911–1915)

В статье рассматривается деятельность поэта и журналиста Ефима Янтарева в качестве сотрудника «Московской газеты» (1911–1915), анализируются его попытки использовать газетные страницы для продвижения близких ему литераторов (в основном из круга издательства «Гриф»).

Ключевые слова: *история московской периодики, история российской «желтой» прессы, биографические штудии, символизм.*

The article is devoted to the work of the poet and journalist Yefim Yantarev as the correspondent of «The Moskovskaya Gazeta» (1911–1915), the main accent is put on his attempts to use the newspaper pages for promoting those writers who were close to him (mostly grouping around «The Grif» publishing house).

Key words: *the history of Moscow newspapers, the history of Russian yellow press, biographical studies, symbolism.*

Введение

Имя Ефима Янтарева сегодня практически забыто. Впрочем, и в первые десятилетия XX в., когда стихи, рецензии, фельетоны Янтарева регулярно появлялись в газетах, журналах, альманахах, оно не было особенно известным. Отчасти это справедливо: поэтом он был весьма посредственным, да и журналистом его точнее назвать профессиональным, чем блестящим. Тем не менее он деятельно участвовал в литературной жизни Серебряного века, дружил или приятельствовал с К.Д. Бальмонтом (чей брат Дмитрий был женат на сестре Янтарева), Андреем Белым, М.А. Волошиным, Б.К. Зайцевым, В.Ф. Ходасевичем и многими другими поэтами и прозаиками, его имя нередко упоминается в мемуарах и переписке современников. Так что словарно-комментаторский пафос, требующий максимально детального воссоздания исследуемой эпохи, безусловно, дает Янтареву «право на биографию».

Необходимо отметить и принципиальную позицию, занятую им сразу после октябрьского переворота 1917 года, отчетливо проявленное нежелание Янтарева становиться советским литератором или журналистом – да и вообще советским человеком. Его арест в середине 1930-х, еще при Ягоде, и последующая гибель в лагере стали, по-видимому, следствием именно этой «несоветскости», неготовности фильтровать свой круг общения, исходя из требований «текущего момента». Каковые качества – особенно если вспомнить, о каких временах идет речь, – конечно, не могут не вызывать уважения вне зависимости от историко-литературной значимости обсуждаемой фигуры.

Жизнь Ефима Янтарева

Хаим Лейбович Бернштейн (таковы настоящее имя, отчество и фамилия будущего Ефима Львовича Янтарева) родился 9 сентября 1880 года в городе Шуя Владимирской губернии, где его родители, уроженцы Могилева, жили к тому времени уже 15 лет. По окончании приходской школы Янтарев поступил в местную гимназию, но, не окончив ее, уехал из Шуи и несколько лет путешествовал по России, то возвращаясь домой, то вновь уезжая. В этот период он начал печататься: поместил заметку о шуйском земстве в московской газете «Курьер»[1], а 3 марта 1902 года – стихотворение «Снежинки» в иллюстрированном приложении к «Русскому слову». Впрочем, первые публикации Янтарева появлялись по преимуществу в провинциальной прессе: омской газете «Степной край», «Нижегородском листке».

В 1906 году он перебрался в Москву, где вошел в круг «символистов “первого призыва”»[2] и печатался в издававшихся С.А. Кречетовым альманахе «Гриф» (М., 1905) и журнале «Перевал». Стихи Янтарева появлялись также в альманахах «Хризопрас» (М., 1906–1907) и «Кристалл» (Харьков, 1908), в журналах «Новое слово» и «Кривое зеркало». Емкую характеристику его стихотворчества дал А.А. Измайлов: «Это ладно, литературно, не без искусства, но таких стихов – сколько угодно, и нет труда их писать, кто владеет стихом»[3]. Единственный поэтический сборник Янтарева с незамысловатым названием «Стихи», изданный в Москве в 1910 г. (кроме 43 стихотворений туда вошла варьирующая сюжет пушкинского «Станционного смотрителя» «сентиментальная поэма» в октавах «Сон в снегу»), был принят сдержанно даже рецензентами тех изданий, где сотрудничал сам поэт. С уничтожающей критикой книги выступил Н.С. Гумилев («Аполлон». 1910. № 6 (март). 3-я паг. С. 41); в ответ Янтарев столь же резко отозвался о гумилевском сборнике «Жемчуга» («Столичная молва». 1912. № 123. 24 мая. С. 3).

Со второй половины 1900-х гг. Янтарев становится профессиональным газетчиком и работает (вначале корректором, затем журналистом) в московской прессе: «Студенческая газета», «Новь», «Утро России», «Голос Москвы». В годы Первой мировой войны он служил в Земгоре, печатался в «Вечерних известиях», екатеринославском «Приднепровском крае». После февраля 1917 г. Янтарев был выпускающим редактором и секретарем газеты «Власть народа», а в 1918 г. писал в «Театральный курьер». С 1919 по 1921 г. он «не напечатал ни одной строчки», но с появлением в период НЭПа «полусвободной литературно-театральной прессы»[4] начал выступать с театральными и кинорецензиями в журналах «Экран», «Жизнь искусства», «Театр и музыка», газете «Труд». Последняя выявленная публикация Янтарева – «О Леониде Андрееве (По письмам и воспоминаниям)»[5], состоящая из писем прозаика к Янтареву с пояснениями последнего. Анонсировалось и продолжение воспоминаний Янтарева, однако 2-й выпуск сборника «Утро» не вышел.

[1] Позднее Янтарев печатал корреспонденции из Шуи в газете «Владимирец» и ярославском «Северном крае».

[2] РГАЛИ. Ф. 1714 (Е.Л. Янтарев). Ед. хр. 2. Л. 5 (автобиография 1922 г.).

[3] Там же. Ед. хр. 10. Л. 3–3об. (письмо к Янтареву от 11 декабря 1904 г.).

[4] Там же. Ед. хр. 2. Л. 6.

[5] Утро. Литературный сборник / Под ред. проф. Н.Н. Фатова. Вып. 1. М.; Л., 1927. С. 240–245.

В 1920—1930-е гг. Янтарев работал ночным редактором в «Экономической жизни», «Торгово-промышленной газете», затем в «Советской торговле». Сохранились выразительные воспоминания Н. Валентинова, который в 1922—1928 гг. был заместителем редактора «Торгово-промышленной газеты»: «В типографии ночью выпускал газету и ее корректировал поэт Янтарев. Он приходил поздно и не желал делать ни малейшего напряжения, чтобы улучшить и ускорить верстку. “Раз газета советская, – говорил он, – значит, неизбежно она будет иметь вид советский, т.е. похабный вид. Исправлять ее все равно невозможно, поэтому нечего волноваться, нечего по-пустому затрачивать энергию”» [Валентинов, с. 334]. Этот небольшой фрагмент дает вполне четкое представление о настроениях Янтарева и его отношении к происходящему в стране.

6 августа 1935 г. Янтарев был арестован и 8 декабря осужден военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-1а УК РСФСР («измена родине») на 10 лет лишения свободы. Он проходил по делу З.Л. Михайлова (Шофмана), бывшего меньшевика, работавшего секретарем московского корреспондента американского информационного агентства «International News Service» Л. Паррота. Михайлов был арестован в том же 1935 г. за передачу «шпионской» и «клеветнической» информации «прессе Херста», под прикрытием которой якобы действовала американская разведка. Арестовали и четверых его информаторов (действительных или мнимых), в том числе Янтарева[6]. Срок Янтарев отбывал в Ухтпечлаге, там он и умер 18 июля 1942 г.[7]

Ефим Янтарев и «Московская газета»

Пик карьеры Янтарева-журналиста — его работа в «Московской газете», издававшейся с 1910 по 1915 г. Н.П. Меснянкиным и Э.М. Бескиным и редактировавшейся (до 1914 г.) братом последнего М.М. Бескиным. Несмотря на наличие среди сотрудников «качественных» журналистов (кроме Янтарева надо упомянуть в первую очередь С.Г. Кара-Мурзу, писавшего под псевдонимами Книжник и Саддукей[8]), газета воспринималась современниками как бульварная — и не без оснований. Центральное место в ней занимали городские новости, подававшиеся с отчетливым уклоном в «желтизну» и сенсационность. Заметки о «происшествиях» в одноименной рубрике насыщались «пикантными» и натуралистическими подробностями[9]; слухи о «грандиозных кутежах и тратах» богатых наследников, о ресторанных скандалах и т.п. помещались в рубрике «Говорят...», которую вел Барон Веди; театральным сплетням отводилась специальная рубрика «Околокулис». Цикл «Из московского альбома» составляли зарисовки жизни притонов[10] и дам демимонда[11] с откровенными деталями. Практически в каждом номере печатались стихотворные фельетоны на злобу дня, сочинявшиеся редактором, М.М. Бескиным (подпи-

[6] Некоторые детали дела см.: [Хаустов и др., 2003, с. 686–687].

[7] Подробнее о биографии Янтарева см.: [Эдельштейн, 2011; Мозгова, 2011].

[8] Об участии Янтарева во «вторниках» Кара-Мурзы см.: [Адаскина, 2013, с. 157].

[9] См., напр.: «Жертвы огненной стихии. Трое заживо сгоревших. — Пятнадцать обгоревших». 1912. № 172. 30 января. С. 4.

[10] «“Мамаша”». 1912. № 171. 23 января. С. 4. Подпись: Юрий К.

[11] «Пленира». 1912. № 174. 6 февраля. С. 2. Подпись: Дон-Диего; «“Фрина”». 1912. № 175. 13 февраля. С. 6. Подпись: Юрий К.

сывался Меб), Р.А. Менделевичем (подпись — Меч), Л.В. Никулиным, публиковалось множество шаржей и карикатур. Добавим сюда очерки вроде «Абортисты (“Друзья” человечества)»[12], «Что такое морг»[13], «Московские эротоманы»[14], рассуждения о «тайне образования пола»[15], рубрику «Страничка мод» (ведущий — Джим), объявления, предлагающие «излечение последствий онанизма» и радикальное средство от триппера, рекламу акушерки, принимающей «секретно-беременных», — и общий характер «Московской газеты» станет вполне очевиден.

Янтарев с 1911 г. был секретарем редакции «Московской газеты» и заведовал литературным отделом, а в 1914 году стал редактором (годом позже газета закрылась). Он печатал здесь разножанровые материалы: стихи, изредка прозу[16], статьи, заметки, рецензии[17], некрологи[18], интервью[19], литературную, театральную, художественную и кинохронику. С сентября 1911 г. газета поменяла режим выхода с еженедельного (точнее, она выходила «по понедельникам и после праздников») на ежедневный, в связи с чем планировалось расширение литературного отдела. Янтарев привлек к сотрудничеству М.А. Волошина (в качестве парижского корреспондента), Н.И. Петровскую, В.Ф. Ходасевича, Анну Мар; в газете начали печататься К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, С.А. Кречетов, М.А. Кузмин, А.М. Ремизов, Б.А. Садовской. Однако «Московской газете» не удалось избавиться от репутации «бульварщины»[20]. Положение усугублялось неаккуратностью в денежных расчетах с сотрудниками и постоянными задержками гонораров. С середины ноября 1911 г. «Московская газета» вновь

[12] 1912. № 168. 7 января. С. 5. Подпись: Кузен Джека.

[13] 1912. № 169. 9 января. С. 5. Подпись: О’Никс.

[14] 1912. № 208. 3 сентября. С. 2. Подпись: Амикус.

[15] «Открыта ли мировая загадка? Из бесед с профессором Г.А. Кожевниковым». 1912. № 170. 16 января. С. 2. Подпись: О’Никс.

[16] Рассказ «“Люди ночи”». 1912. № 219. 5 ноября. С. 2.

[17] В том числе на выпущенные «Грифом» «Стихотворения» А.Ф. Диесперова: «От “декадентства первого призыва” остался уже негромкий, уже умирающий отзвук. Тусклым эхом <...>, лишенным собственного содержания, прозвучат стихи рядового из некогда многочисленной армии вождей и бесследно исчезнут. У книгоиздательства “Гриф” большие заслуги, и тем менее прощаешь ему издание таких никому не нужных книг» (1911. № 84. 20 июня. С. 6). Ср. в письме Муни к Ходасевичу от 25 июня 1911 г.: «Янтарев в газете облаял Диесперова, очень глупо облаял и скучно» (Киссин С. (Муни). Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В.Ф. Ходасевичем / Подг. изд. И.А. Андреевой. М.: Август, 1999. С. 228). Рецензия, впрочем, не привела к разрыву Янтарева с «Грифом»: в 1914 он поместил стихотворение «Царевне из страховой конторы» в юбилейном — к 10-летию альманаха — выпуске «Грифа» (последняя поэтическая публикация Янтарева), а Кречетова и в пореволюционные годы называл своим «литературным крестным отцом» (РГАЛИ. Ф. 1714. Ед. хр. 2. Л. 5).

[18] «Сгоревший (Памяти Виктора Гофмана)». 1911. № 91. 7 августа. С. 2.

[19] В том числе с М.А. Волошиным и М.П. Арцыбашевым — 1913. № 241. 11 марта. С. 5; № 244. 26 марта. С. 5.

[20] Из письма Е.О. Волошиной сыну от 19 сентября 1911 г. (цит. по: *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 9. Письма 1903—1912. М.: Эллис Лак, 2010. С. 621; коммент. В.П. Купченко и А.В. Лаврова). Ср. характеристику Янтарева как «порядочного» и «симпатичного» человека в письмах Волошина к матери от 15 октября и 12 ноября 1911 г. (там же, с. 631, 647).

стала еженедельником, большинство известных литераторов прекратили сотрудничество с ней.

В материалах Янтарева о новой поэзии заметно отчетливое стремление пересмотреть сложившуюся иерархию в пользу товарищей по «Грифу» и просто друзей и приятелей. Так, «Антологию» издательства «Мусагет», где были помещены стихи Андрея Белого, А.А. Блока, Вяч.И. Иванова, М.А. Кузмина и др., он назвал книгой «совершенных, но мертвых творений» («тайна <...> божественного очарования недоступна эстетам, ритмистам и мистикам “Антологии”»), выделив из трех десятков поэтов лишь «все совершенствующегося и талантливого» Ходасевича, С.А. Клычкова и В.Ф. Ахрамовича (с которым, видимо, был знаком по Нижнему Новгороду, где они печатались в одной газете)[21]. В заметке о вечере «Общества свободной эстетики» Ходасевичу отдано предпочтение перед Брюсовым[22]. Не менее эпатажно выглядела в репортаже с «вечера нового искусства» триада «главных “богов”» декадентства, куда, наряду с Брюсовым и Ю.К. Балтрушайтисом, Янтарев поместил Петровскую. Дополнительную остроту такому «возвышению» Петровской придавало упоминание тут же о «скучном речитативе» Андрея Белого[23].

Как выпад «грифовца» против «весовцев» может рассматриваться и статья Янтарева «Господин Эллис»[24], написанная по поводу известного инцидента с порчей Эллисом книг из библиотеки Румянцевского музея. К констатации самого факта Янтарев добавил пересказ ряда слухов (о «краже целых страниц из национального книгохранилища», о том, что Эллис «когда-то в университетской библиотеке вырезал целую главу из редкого собрания сочинений Канта» и т.п.) и поставил под сомнение личную и литературную репутацию Эллиса («человек некорректный, неискренний, несвободный в своих литературных мнениях и симпатиях», «верный раб г. Брюсова»). Эллис написал Янтареву оскорбительное письмо, Янтарев вызвал Эллиса на третейский суд, тот подал встречную жалобу. Суд чести Общества деятелей периодической печати и литературы признал письмо Эллиса «неприличным и недопустимым», а заметку Янтарева – «написанною в недозволительном тоне оскорбительных сообщений и намеков <...> что заслуживает осуждения с точки зрения добрых литературных нравов»[25].

Впрочем, подобные замечания так и остались разрозненными фрагментами. Говорить применительно к Янтареву о каком-либо подобии цельной литературно-критической концепции было бы явной натяжкой.

Заключение

Стремление литераторов, связанных с тем или иным периодическим изданием, волевым усилием перестроить сложившуюся литературную иерар-

[21] 1911. № 86. 4 июля. С. 6.

[22] 1912. № 176. 20 февраля. С. 4.

[23] «Голос Москвы». 1907. 26 апреля.

[24] «Голос Москвы». 1909. 8 августа. Без подписи.

[25] «Русские ведомости». 1909. 12, 17 ноября. Ср. характеристику Янтарева как «обозной сволочи» в письме Эллиса к В.Я. Брюсову от 11 ноября 1909 года (Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 324; публ. А.В. Лаврова). Ср. также: *Белый А.* Между двух революций. / Подг. изд. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. С. 232.

хию, заместить первый ряд вторым или третьим — не редкость. Едва ли не самый известный пример такого рода в истории русской литературы и журналистики — случай О.И. Сенковского и его журнала «Библиотека для чтения». Разумеется, предпринимались такие попытки и современниками Янтарева[26]. Специфика «казуса Янтарева» заключается, как нам кажется, в контрасте между амбициозностью его усилий и репутацией той площадки, на которой они реализовывались. Попытка использовать бульварную, т.е. заведомо ориентированную на широкий круг не самых притязательных читателей, прессу для продвижения группы малоизвестных литераторов из «ближнего круга» выглядит изначально обреченной. Конечно, основная причина неуспеха этой попытки — недостаточная влиятельность и авторитетность самого Янтарева, в том числе в околосимволистских кругах, но в качестве дополнительного фактора нельзя не отметить разрыв между идеальным адресатом его корреспонденций, способным считывать содержащиеся в них подтексты, и реальным читателем «Московской газеты».

Список литературы

Адаскина Н.Л. Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения 2012. Материалы отчетной науч. конф. М., 2013. С. 151–176.

Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991.

Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000.

Мозгова Г.Г. «Я — русский интеллигент»: Ефим Львович Бернштейн, литературный псевдоним Ефим Янтарев // Рождественский сборник. Вып. 18. Материалы конф. «Российская провинция: история, традиции, современность». [Ковров], 2011.

Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. (сост.). Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД: январь 1922 — декабрь 1936. М.: Материк, 2003.

Эдельштейн М.Ю. Шуйский «Гриф». (К биографии Ефима Янтарева) // Долг и любовь. Сборник филологических работ. К 65-летию профессора М.В. Михайловой / Сост. Ю.В. Шевчук, Н.Н. Мельникова. М.: Круг, 2011. С. 250–259.

Поступила в редакцию
20.10.2014

[26] См., напр., об усилиях Марии Моравской построить в 1915 г. на страницах «Нового журнала для всех» новую версию акмеизма [Лекманов, 2000, с. 130–136].